

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ „ДИГЕНИСА АКРИТА“

Свыше 80 лет прошло со времени открытия и опубликования первой из обнаруженных версий „Дигениса Акрита“. Сейчас мы располагаем пятью стихотворными и одной прозаической редакциями памятника *. В нескольких списках существует его древнерусский перевод — „Девгениево деяние“. Число работ по византийскому эпосу (как специально посвященных этой теме, так и попутно затрагивающих те или иные ее аспекты) давно уже перевалило за сотню и продолжает расти¹. Десятки ученых Франции, Бельгии, Германии, Греции, Италии, Англии, Голландии и других стран уделяли и уделяют внимание этому интереснейшему памятнику византийской культуры. Настоящий очерк не претендует на то, чтобы отразить все вопросы, поднятые и в той или иной степени разрешенные исследователями. Наша задача — дать краткий обзор основных достижений изучения „Дигениса Акрита“ (насколько возможно, в хронологическом порядке). Мы не останавливаемся специально на работах, посвященных „Девгениеву деянию“ и греческим народным песням о Дигенисе, которые нуждаются в самостоятельном освещении, и лишь попутно отмечаем наиболее значительные из таких работ, где они не посредственно затрагивают вопрос о „Дигенисе Акрите“.

В мае 1868 г. греческий историк, преподаватель школы в Трапезунте С. Иоаннидис, собиравший материалы по истории Трапезунта, нашел среди рукописей, предоставленных ему игуменом монастыря Сумелы Дионисием, рукопись XVI в. неизвестной ранее греческой поэмы о Дигенисе Акрите. В 1870 г. вышла „История и статистика Трапезунта“, Иоаннидиса, несколько страниц которой исследователь посвятил найденной им рукописи². Иоаннидис считал Дигениса историческим лицом и относил его жизнь к 930—960-м годам. Автор дал краткое содержание поэмы и привел отрывок из IX книги в 53 стиха, где перечисляются подвиги Дигениса. Здесь же он пытался проследить развитие образа Дигениса в народной поэзии. В предисловии к изданию *T* он вы-

* Ниже приняты следующие сокращения в обозначении версий повмы: *T* — Трапезундская, *ГФ* — Гротта-Ферратская, *О* — Оксфордская, *А* — Андресская стихотворная, *Э* — Эскуриальская, *А₁* — Андресская прозаическая.

¹ Библиографию см.: P. Kalonaros, Βασίλειος Διγενής Ἀκριτᾶς. Ἀθήναι, 1941, т. I, σελ. λθ'—μθ'; т. II, σελ. 316—318; H. Grégoire, Ὁ Διγενής Ἀκριτᾶς. New York, 1942, p. 295—299; J. Mavrogordato, Digenes Akritas. Oxford, 1956, p. 261—264; F. J. Dölger, A. Schneider. Byzanz. Bern. 1952, S. 214—217.

² Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος καὶ τῆς περὶ ταύτην γῆρας ὑπὸ Σ. Ἰωαννίδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870, σελ. 35—39.

сказал мысль о том, что автор поэмы происходил из Каппадокии³. В предпосланной тексту статье (1—65)⁴ представляют интерес наблюдения над употреблением имени „Акрит“ в Каппадокии (29), а также характеристика языка *T* (37). С некоторой наивностью Иоаннидис считает всю поэму „истинной историей“, подвергшейся, правда, поэтической обработке (37).

Первые издатели *T—K*. Сафа и Э. Легран — предпослали своему изданию⁵ обширную статью — первое крупное исследование о византийском эпосе. Издатели дают описание рукописи *T* (XVIII—XXI), затем подробно излагают содержание поэмы (XXI—XLVI). Следующая глава посвящена сравнению „Дигениса Акрита“ с народными песнями акритского цикла (XLVI—LXIII). Сафа и Легран указывают на параллели между византийской поэмой и такими песнями, как „О мертвом брате“, „Похищение Евдокии Дигенисом“, „Единоборство Харона с Дигенисом“ и некоторыми другими. В IV главе (LXIV—CXXX) герой поэмы и его родичи отождествляются с историческими лицами византийской истории. Предвзятое желание во что бы то ни стало найти такие соответствия и недостаточный критицизм привели здесь авторов к ряду ошибочных заключений. Так, произвольно отождествление нашего героя с полководцем Романа Лакапина Панфирием, идентичным, по мнению авторов, герою песни „Порфирий“ (CI, сл.). Вряд ли есть необходимость подробно останавливаться на подобных утверждениях, явно недостаточно обоснованных. Полезны в этой главе, пожалуй, лишь страницы, характеризующие общий исторический фон, на котором действуют герои поэмы. V глава (CXXXI—CXLV) представляется более интересной: здесь прослеживается история образа Дигениса Акрита. Авторы первыми обратили внимание на параллели византийскому эпосу в литературах других народов, предвосхитив отдельные наблюдения других ученых. Отметим в этой связи сопоставление поэмы с турецким эпосом о Сайид-Баттале (CXXXV—CXXXVII). Наконец, VI глава (CXLV—CLII) содержит отдельные замечания об акритах и апелатах.

В целом, несмотря на ряд ошибочных положений, исследование Сафы и Леграна, теперь уже устаревшее, сыграло в свое время весьма положительную роль, пробудив в ученом мире интерес к византийскому эпосу. Нельзя забывать и того, что исследователям в этот период была известна лишь одна (и притом хуже всех сохранившаяся) версия памятника. В дальнейшем Легран издал и *ГФ*⁶. Следует упомянуть здесь и о его плодотворной деятельности по изданию греческих народных песен⁷.

На публикацию Сафы и Леграна почти сразу же откликнулся известный французский историк А. Рамбо⁸, давший в своей статье очерк исторической обстановки, в которой создавалась поэма. Здесь также проводится сопоставление „Дигениса Акрита“ с песнями акритского

³ Ἔπος μεσαιωνικὸν ἐκ τοῦ χειρογράφου Τραπεζούντος, ο Βασίλειος Διγενῆς Ἀκριτῆς ὁ Καππαδόχης, ἐκδ. ὑπὸ Σ. Ἰωαννίδου. Κωνσταντινουπόλεως, 1877, σελ. ια'.

⁴ Цифры в скобках обозначают номера страниц соответствующей работы.

⁵ Les exploits de Digénis Akritas, épopée byzantine du dixième siècle, publiée pour la première fois d'après le manuscrit unique de Trébizonde par C. Sathas et E. Legrans. Paris, 1875.

⁶ Les exploits de Basile Digénis Acritas, épopée byzantine publiée d'après le manuscrit de Grotta-Ferrata par E. Legrand („Bibliothèque grecque vulgaire“, t. VI). Paris, 1892; 2 éd. revue et corrigée. Paris, 1902.

⁷ См. E. Legrand. Recueil de chansons populaires grecques. Paris, 1874; е го же. Chansons populaires grecques. Paris, 1876; е го же. Recueil de poèmes historiques en grec vulgaire. Paris, 1877.

⁸ A. Rambaud. Une épopée byzantine au X-e siècle. Les exploits de Digénis Akritas. „Revue des deux mondes“. XLV an., t. X, 1875, p. 927—946 (перездано в его сборнике: „Études sur l'histoire byzantine“. 3 éd. Paris, 1922, p. 65—108).

цикла, причем, в отличие от издателей *T*, Рамбо уже с большей осторожностью подходит к такому сравнению, указывая на огромный, почти тысячелетний промежуток времени, лежащий между поэмой и песнями, собранными в XIX в. (936). Рамбо остановился на параллелях эпосу в фольклоре других народов, привлекаемых им, впрочем, совершенно формально (например, сопоставление с индийской легендой о похищении Ситы, супруги Рамы, — 943). Вместе с тем Рамбо некритически повторяет утверждение Сафы и Леграна о тождестве Дигениса Панфирию. Однако, несмотря на указанные недостатки, статья эта содержит и ряд интересных наблюдений. В заключение Рамбо отмечает, что этот памятник принадлежит, по сути дела, к жанру биографии (944) и сохранил нам „картину жизни и нравов“ восточных провинций Византии (945).

А. Эберхард⁹, полагая, что в основе сюжета поэмы лежат подвиги исторического лица, вместе с тем считает идентификацию Дигениса с Панфирием „абсолютно произвольной“ (52). Действие, по его мнению, происходит при императоре Романе Лакапине (920—944 гг.), а имя Никифор употреблено здесь (*T* 3107) как почетное прозвище того же Романа (53). Эберхард дает также литературную характеристику поэмы, останавливаясь, между прочим, на влиянии гомеровского эпоса (54).

Введение С. Лампроса к изданному им сборнику, содержащему первую и пока единственную публикацию *O*¹⁰, не внесло в изучение „Дигениса Акрита“ ничего существенно нового. Большой интерес представляет введение А. Милиаракиса к его изданию *A*¹¹. Перед Милиаракисом было уже три версии поэмы — *T*, *A* и *O*, что позволило ему сделать ряд сопоставлений. Он отметил более народный характер *A* сравнительно с *T*, отнеся на основании сравнения языка *A* с языком некоторых византийских авторов (например, Продрома) составление этой версии к XI в. (1'). Вместе с тем Милиаракис весьма осторожно относится к вопросу об авторстве упомянутого в начале рукописи *A* Евстафия (8' сл.). Одним из первых он останавливается на идеологии памятника, хотя разбор этот совершенно лишен социального анализа. Милиаракис выделяет три основные идеи поэмы: 1) прославление отваги, 2) культ красоты и 3) христианскую религиозность (1α'). Говоря о связи эпоса с песнями акритского цикла, он отмечает, что единственное совпадение здесь — в собственных именах, и воздерживается от каких-либо категорических суждений (1β' сл.).

Значительный вклад в изучение памятника принадлежит К. Крумбахеру. В своей „Истории византийской литературы“¹² он вкратце подытожил сделанные в этой области достижения. Интересны его слова о том, что изучение „Дигениса Акрита“ дало возможность „с новых точек зрения понять византийскую культуру“, для которой оказалась характерна не только „сухая ученость и догматическая полемика“ (830).

⁹ A. Eberhard. Über ein mittelgriechische Epos vom Digenis. „Verhandlungen der 34. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Trier vom 24 bis zu 27 September 1879“. Leipzig, 1880, S. 49—58.

¹⁰ Collection de Romans grecs en langue vulgaire et en vers publiés pour la première fois d'après les manuscrits de Leyde et d'Oxford par S. L. Lampros. Paris, 1880, p. 111—237.

¹¹ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, ἐποποιία βυζαντινὴ τῆς 10 ἢς ἑκατονταετηρίδος κατὰ τὸ εἶδος Ἄνδρῶ ἀνευρεθέν χειρογράφων ὑπὸ Ἀ. Μηλιαράκη. Ἐν Ἀθῆναις, 1881. Это издание подверг строгой критике Г. Пападимитриу в своей статье: Ἀκριτικά Ι. Ἀντιβολὴ τῆς ἐκδόσεως Μηλιαράκη πρὸς τὸ χειρογράφων 1074 τῆς Ἐθνικῆς βιβλιοθήκης Ἀθηνῶν. „La Croix“, I, 1947, p. 120—146 (статья осталась нам недоступной; ср. ВЗ, XLV, 1952, S. 124—125). Пападимитриу сообщает в ней о своем намерении предпринять издание сводного текста рукописей поэмы.

¹² K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2 Aufl. München, 1897, S. 827—832.

Крумбахер дает библиографию вопроса, доведенную до 1895 г. (831 — 832), а также делает несколько существенных замечаний об акритах и апелатах (832). Большое значение имело опубликование Крумбахером отрывков из Э¹³. Одним из первых Крумбахер выдвинул гипотезу о народном характере языка первоначальной редакции поэмы (340) и в соответствии с этим пришел к выводу о наибольшей древности Э, как отразившей лучше других версий народные песни о Дигенисе (345). Сопоставив *ΓΦ*, *Τ*, *Α* и *Ξ*, он отметил близость *Τ* и *Α*, подчеркнув, что прототип Э стоит ближе к этой группе, нежели тот прототип, ученую обработку которого представляет *ΓΦ* (346 сл.). Следует, наконец, отметить обнаруженные Крумбахером параллели между образами Дигениса и святого Георгия¹⁴.

В своей работе „О народном эпосе новых греков“¹⁵ Н. Политис рассматривает „Дигениса Акрита“ как продукт народного творчества. Политис подчеркивает, что современные песни о Дигенисе не являются отражением известной нам поэмы, а восходят к старинным песням об этом герое, которые сами послужили ее источником (256). Хотя реальные историческая и географическая основы поэмы несомненны, историчность Дигениса невозможно установить точно. Известные нам версии, восходящие к оригиналу, созданному, по его мнению, в XII в., несут следы риторической обработки, совершенно чуждой народной поэзии (237 сл.). Политис высоко оценил поэму о Дигенисе Акрите как национальный греческий эпос (244). Ему принадлежит и заслуга опубликования большого числа греческих народных песен, в том числе акритских. Отметим здесь его публикацию 72 песен о смерти Дигениса¹⁶, в которой он повторяет свой тезис о первичности народных песен, сравнительно с художественно оформленным эпосом (169), и показывает, что большая часть дошедших до нас песен восходит к неизвестным из поэмы эпизодам (170).

Публикация Д. Хесселингом полного текста Э¹⁷ вызвала ряд исследований, посвященных анализу этой версии. В 1913 г. вышла работа С. Ксантуидиса¹⁸, показавшего близость отдельных мест Э к акритским песням. Ксантуидис привел ряд примеров, свидетельствующих, по его мнению, о критском происхождении поэмы. Объяснение ряда мест в Э дал П. Каролидис, считающий эту версию „гораздо менее

¹³ K. Krumbacher. Eine neue Handschrift des Digenis Akriteis. SBAW, Jhrg. 1904, H. 2, S. 309—355.

¹⁴ K. Krumbacher. Der Heilige Georg in der griechischen Überlieferung. München, 1911, S. 246.

¹⁵ Ν. Γ. Πολίτης. Περί τοῦ ἐθνικοῦ ἔπους τῶν νεωτέρων Ἑλληνῶν (Ἑθνικὸν πανεπιστημιον... ἔτος 1906/1907). Ἐν Ἀθήναις, 1908, σελ. 3—36; переиздано в „Διογραφικὰ Συμμείχτα“, I, 1920, σελ. 237—260.

¹⁶ Ν. Γ. Πολίτης. Ἀκριτικὰ ἄσματα. Ὁ θάνατος τοῦ Διγενῆ, Α, Ἰ, 1907, σελ. 109—275; ср. его же. Τὸ ἄσμα τῶν υἱῶν τοῦ Ἀνδρονίκου „Ἀκριτάς“, I, Ἀθήναι, 1904, σελ. 98—103, 120—125; его же. Διγενῆς Ἀκριτά, ibid., II, σελ. 359 ἔξ.; его же. Ἐκλογαὶ ἀπὸ τα τραγούδια τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ. Ἐν Ἀθήναις, 1914 (№ 64—78) и др. К тем же годам относятся публикации акритских песен Н. Вейса, Г. Зервоса, С. Менардоса, X. Пантелидиса, Д. Хавиараса и других греческих ученых.

¹⁷ D. C. Hesselung. Le roman de Digenis Akritis d'après le manuscrit de Madrid. A. III, 1912, σελ. 537—604.

¹⁸ Σ. Ξανθοῦδιδης. Διγενῆς Ἀκριτάς κατὰ τὸ χειρόγραφον Ἐσχωριάλ. „Χριστιανικὴ Κρήτη“, I, 1913, σελ. 523—572; см. также: Φ. Κουκουλέс. Εἰς τὸν Διγενῆ Ἀκριτῆ τοῦ Ἐσχωριάλ. Α., IV, 1913, σελ. 316—317; Π. Καρολίδης. Το ἔπος Διγενῆ Ἀκριτά κατὰ τὸ χειρόγραφον Μαδρίδης η Ἐσχωριάλ. ΕΕΒΣ, III, 1926, σελ. 329—332, 404; H. Grégoire, M. Letocart. Trente cinq correction au texte de Digenis selon l'Escorialensis. Byz. XIV, 1939, p. 211—226, 694—695 и др. Сопоставлению Э с народными песнями посвящена заметка А. Скиаса (Εἰς τὰ δημόδη βυζαντινα ἄσματα καὶ εἰς τὸν Ἀκριτῆν τοῦ Ἐσχωριάλ. Α., IV, 1913, σελ. 215).

важной, нежели *ΓΦ*¹⁹. Последнему принадлежит также историко-географический комментарий к эпосу (в основном по *ΓΦ*), до сих пор не потерявший своего значения²⁰. И. Боядзидис сопоставил отдельные места *Э* с текстами других версий²¹.

В заметке „Мнимый византийский роман“²² А. Хайзенберг остановился на тексте *T* 2817—2818, позволившем в свое время Крумбахеру говорить о существовании любовной истории об Алделаге и Олопе²³, и показал, что это лишь сильно испорченное место *ΓΦ* IV, 86—87, где речь идет сначала об Агамемноне, а затем о Пенелопе. Хайзенберг считает, что такого рода искажения явились результатом устной передачи первоначального текста, носящего, по его мнению, характер ученой поэмы и лучше всего отразившегося в *ΓΦ*. Хайзенбергу принадлежит также рецензия на издание Д. Пасхалисом *A*₁²⁴, где он, в частности, отмечает близость ряда мест этой версии к *Э* и показывает стихотворный характер ее источника (92).

Подробнее следует остановиться на работах издателя *Э* голландского ученого Д. Хесселинга. Еще в 1907 г. он посвятил „Дигенису Акриту“ небольшой очерк²⁵, где обращает на себя внимание его попытка дать характеристику идеологии поэмы. Несмотря на отсутствие удовлетворительного социального анализа среды, породившей „Дигениса“, отдельные замечания автора представляют большой интерес. Хесселинг указывает, что в поэме нашли выражение интересы земельной знати; он обращает внимание на советы Дигениса императору и делает важное сопоставление этой сцены с советами Кекамена своему сыну (219, ср. 296). Хесселинг подчеркивает также, что поэма проникнута духом расовой терпимости (220). Во введении к изданию *Э*²⁶ Хесселинг на ряде примеров пытается показать, что эта версия в ряде мест искажает текст, лучше сохранившийся в других версиях, и вместе с тем носит следы ученого оригинала. Это приводит его к выводу о более позднем ее происхождении сравнительно с учеными версиями (*ΓΦ*, *T*), послужившими, по его мнению, основой для народной обработки, сделанной, быть может, в целях популяризации памятника (549). Вместе с тем он выступает против гипотезы Крумбахера о народном характере первоначальной редакции „Дигениса Акрита“, замечая, что ряд темных мест *A* и *Э* получают объяснение, если исходить из той точки зрения, что редактор их следовал более ученому тексту, который был им плохо понят (546). Обе точки зрения — и Крумбахера, и Хесселинга — нашли себе последователей, и проблема эта, как мы увидим, дискутируется до сих пор. В исследовании о древнейшей редакции „Дигениса Акрита“²⁷

¹⁹ Π. Καρολίδης. *Op. cit.*, σελ. 404.

²⁰ Π. Καρολίδης. Σημειώσεις κριτικάί ιστορικάί και τοπογραφικάί εις τὸ Μεσαιωνικὸν ἔπος. Ἐπιστομικὴ ἐπετηρίς τοῦ ἐθν. πανεπιστημίου. 1905—1906. Ἀθήναι, 1906, σελ. 188—246 (ср. BZ, Bd. XVI, 1907, S. 679).

²¹ I. K. Βογιατζίδης. Ἀκριτικά μελέται. BZ, Bd. XXIV, 1923—1924, S. 61—78.

²² A. Heisenberg. Ein angeblicher byzantinischer Roman. „Silvae Monacenses“. München, 1926, S. 28—38.

²³ K. Krumbacher. Geschichte..., S. 855.

²⁴ Οἱ Δέκα λόγοι τοῦ Διγενοῦς Ἀκρίτα, κατὰ τὴν πέλξην διασκευτῆν τῆς Ἀνδρῶν εκδ. ὑπο Δ. Πασχάλη. Δ., IX, 1928, σελ. 305—449 (отд. изд. — Ἀθήναι, 1927); ср. BZ, Bd. XXIX—XXX, 1929—1930, S. 91—93.

²⁵ D. C. Hesselting. Essai sur la civilisation byzantine. Paris, 1907, p. 212—222.

²⁶ Le roman de Digénis Akritas. Δ, III, 1912, σελ. 537—554. См. там же заметку Хесселинга: Ἐρωτικὰ περὶ τῆς φράσεως „σεῖω τὰ μανίκια μου“ (ibid., σελ. 701), толкующую одно из мест поэмы.

²⁷ D. C. Hesselting. La plus ancienne redaction du poème épique sur Digénis Akritas. MAWL, D. 63, ser. A, 1927, p. 1—22.

Хесселинг в основном повторяет ту же оценку Э (14 сл.); он склонен оценивать здесь ГФ несколько выше других версий и в то же время отмечает, что версия эта не содержит следов более древнего текста на народном языке (12). Вместе с тем, видя в ГФ старейшую из известных нам записей поэмы, он отнюдь не считает, что она представляет собой первоначальную редакцию памятника (18—19). Равным образом, по его мнению, носят следы ученой редакции А и Т (20). Что касается первоначального текста, то автор его, как считает Хесселинг, использовал народные песни (21). Вместе с Политисом Хесселинг говорит о Дигенисе как о национальном греческом герое (22).

Из других работ Хесселинга укажем на интересную заметку²⁸, свидетельствующую о знакомстве с эпосом о Дигенисе во Фландрии XIII в. (стихотворение „О жизни нашего господя“, где упоминается Digenen), а также на статью, представляющую отклик на публикацию Д. Пасхалисом А₁²⁹. Здесь Хесселинг дает краткую характеристику этой версии, показав, что оригинал ее отличается от оригинала А, хотя и очень близок к нему (174). Хесселинг отметил, что в А₁ преобладает разговорный язык (177), и подверг сомнению вывод Д. Пасхалиса о хийском характере языка А₁ (178).

Другим сторонником теории ученого оригинала поэмы явился греческий ученый А. Хадзис, выдвинувший положение о том, что создателем этого оригинала был греческий писатель второй половины XII в. Евстафий Макремволит, автор прозаического романа „11 книг об Исминие и Исминии“. Этот тезис Хадзис без особой аргументации повторяет во многих статьях³⁰. На подобную мысль его натолкнуло упоминание о некоем Евстафии в начале рукописи А, а также стилистическое сходство отдельных мест поэмы с произведением Макремволита. Гипотеза Хадзиса встретила почти единодушное возражение. Как справедливо заметил Ф. Дэльгер (BZ, Bd. XLII, S. 296), Хадзис явно не учел, что в средние века понятие об авторстве значительно отличалось от нашего, и часто какой-либо редактор или даже простой переписчик называли себя авторами. Таким переписчиком, по-видимому, и был Евстафий из А, и во всяком случае, какова бы ни была его роль, нет никаких оснований отождествлять его с Макремволитом. Что же касается стилистических совпадений, то в этом отношении „Дигенис Акрит“ близок и к ряду других позднеантичных и византийских романов. Вместе с тем сам по себе принцип сопоставления Дигениса Акрита с такими романами является весьма плодотворным³¹. Настаивая на ученом характере оригинала поэмы, Хадзис отмечает, что на нее влиял и разговорный язык³², и говорит о смешанном характере материала X в., использованного автором поэмы³³. Хадзис приводит примеры, свидетельствующие

²⁸ D. C. Hesselting. Eine Digenisübersetzung aus dem 13. Jahrhundert. BZ, Bd. XXII, 1913, S. 370, 371.

²⁹ D. C. Hesselting. Une nouvelle version du roman de Digenis Akritas. Byz., IV, 1927—1928, p. 171—178.

³⁰ См., например, 'Α. Χατζής. Εὐστάθιος Μακρεμβολίτης καὶ Ὀμηρος. Ἡ γλώσσα τῆς Ἀκριτιδῆος. ΕΒΒΣ, VII, 1930, σελ. 234—239; е го же. Προλεγόμενα εἰς τὴν Εὐσταθίου Μακρεμβολίτου Ἀκριτιδῆα καὶ τὰς διασκευὰς αὐτῆς (Ὀμηρικαὶ ἐρευναί, 1). Ἀθῆναι, 1930, 32 σελ.; е го же. Ἡ γλώσσα τῆς „Ἀκριτιδῆος“ κατὰ τὰς νεωτέρας ἐπιστημονικὰς ἐρευνας. „Ἐπιστημολόγος“, ἀρ. 4, 1932, σελ. 60; е го же. Ὀμηρος καὶ „Ἀκριτιδῆς“, ibid., ἀρ. 13, 1933, σελ. 199—200; е го же. Εὐστάθιος Μακρεμβολίτης καὶ Ἀκριτιδῆς. BNJ, IX, 1932/33, σελ. 256—292; е го же. Εἰς τὴν Εὐσταθίου Μακρεμβολίτου Ἀκριτιδῆα, ibid., X, 1933, σελ. 367—397; е го же. Εὐστάθιος Μακρεμβολίτης καὶ Ἀκριτιδῆς. „Ἀθῆνᾶ“, 54, 1950, σελ. 184—226; 55, 1951, σελ. 189—224.

³¹ Ср. S. Kyriakides. Forschungsbericht zum Akritas-Epos. München, 1958, S. 12.

³² Ср. 'Α. Χατζής. Ἡ γλώσσα..., σελ. 60; е го же Εὐστάθιος..., BNJ, IX, σελ. 278.

³³ Ср. 'Α. Χατζής. Εἰς τὴν Εὐσταθίου..., σελ. 397.

о влиянии отдельных произведений византийской литературы на народную поэзию, и считает, в частности, что такое влияние оказывала Э³⁴.

Известный интерес представляет статья Н. Адонца, посвященная исторической основе эпоса³⁵. По мнению автора, эпос о Дигенисе возник в армяно-павликианских, а отнюдь не греческих кругах (207 сл.). Мы не будем останавливаться на попытках Н. Адонца доказать армянское происхождение всех почти героев памятника — попытках, носящих, к сожалению, несколько предвзятый характер. Укажем на сопоставление им Дигениса с императором Василием I (214), образ которого, по-видимому, оказал влияние на характеристику героя. Интересно сравнение имен героинь поэмы (Евдокия, Ирина, Анна) и византийских императриц и царевн второй половины XI в. (214—215), дающее возможность предположить наличие комнинской редакции памятника в конце XI—начале XII в. В заключение Адонцу сопоставляет „Дигениса Акрита“ с „Давидом Сасунским“ (217 сл.), отмечая ряд интересных параллелей. Однако, на наш взгляд, он преувеличивает близость двух эпосов, совершенно не учитывая различной социальной среды, в которой эти памятники создавались.

Особо следует остановиться на работах Анри Грегуара. Бельгийский византист, пожалуй, больше, чем кто-либо другой из современных ученых, занимавшийся „Дигенисом Акритом“, посвятил различным аспектам этой проблемы десятки статей³⁶. Им выдвинут ряд интересных положений: одни из них заслуживают серьезного внимания, другие нуждаются в более тщательной аргументации. Подробный анализ даже наиболее значительных работ Грегуара потребовал бы специального исследования, поэтому мы лишь вкратце остановимся на основных выводах ученого.

Одним из первых существенных наблюдений Грегуара явилось установление параллельных мест с поэмой в византийской исторической литературе (Генесий, Продолжатель Феофана)³⁷, что он склонен был объяснять как результат пользования общими источниками, не дошедшими до нас. Грегуар говорил о невозможности отождествления Дигениса с каким-либо историческим лицом, считая, что это — „воображаемый символический персонаж, символ доблести акритов“ (339). Однако вскоре Грегуар отошел от этой точки зрения.

В статье о гробнице Дигениса и о времени создания поэмы³⁸ ученый попытался датировать первоначальную версию поэмы 928—944 гг., т. е. после победы византийского полководца Иоанна Куркуаса над эмиром Мелитины Абу Хафсом (928 г.) и окончательного взятия греками этого города (934 г.), но до перенесения из Эдессы в Константинополь священной реликвии — платка с отпечатком (έκμαρτέον) лица Христа. Если *terminus post quem* Грегуара выглядит достаточно убедительно, то последняя дата справедливо подвергается сомнению (Дж. Маврогордато, С. Кириакидис). Грегуар основывается на ΓΘ III, 150,

³⁴ Ср. Ἁ. Χατζής, Εὐστάθιος... ΒΕΒΣ, VII, σελ. 236.

³⁵ N. Adontz, Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Akritas. BZ, Bd. XXIX—XXX, 1929—1930, S. 198—227.

³⁶ Наиболее полная библиография трудов Грегуара: „Mélanges H. Grégoire“, t. II. Bruxelles, 1950, p. V—XL (ср. p. LI—LIV указателя к библиографии); дополнения к ней: *ibid.*, t. III, 1951, p. VII—IX; t. IV, 1952/53, p. V—VIII; см. М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению. ВВ, III, 1950, стр. 230—245.

³⁷ H. Grégoire, Michel III et Basile le Macédonien dans les inscriptions d'Ancyre. Les sources historiques de Digénis Akritas et le titre „Μέγας Βασιλεύς“. Byz., V, 1929—1930, p. 327—346.

³⁸ H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digénis Akritas (Samosate, vers 940 après J. C.), Byz., VII, 1931, 481—508.

где содержится намек на неизвестный нам „платок Неемана“ (τοῦ Νεεμάν. . . τὸ μαυδίλιον), тождество которого с ἐκμαγεῖτον (соединяемым, кстати, с именем не Неемана, а эдесского царя Абгара) еще должно быть доказано. Более вероятным представляется отождествление места погребения Дигениса — Тросис (Τρῶσις, *ГФ*, VIII, 239) с современным Truš в нескольких километрах западнее Самосаты на берегу Евфрата, где поныне сохранилась могильная насыпь, хорошо видная издали (500 сл.). В той же статье (498—499) Грегуар, основываясь на свидетельстве Продолжателя Феофана, утверждает, что прообразом Дигениса послужил турмарх Диоген, павший в битве с арабами при Поданде в 788 г. Дата близка к дате гибели героя французского эпоса Роланда, и этот „параллелизм“ Грегуар неоднократно подчеркивает в своих дальнейших работах. Однако если и возможно предположить переход формы Διογενής в Διγενής (что также сомнительно, ибо смешанное происхождение „двоерожденного“ героя неоднократно подчеркивается в поэме и вообще характерно для эпического творчества), то историческая достоверность этой гипотезы остается весьма сомнительной.

Увлечение Грегуара поисками исторических прототипов поэмы — Identifizierungsgrausch, по удачному выражению Ф. Дэльгера³¹, — отразилось в ряде других его статей, содержащих более или менее гипотетические отождествления. Таковы его заметки о Филопаппе и Киннаме⁴⁰, о Максисе⁴¹. С известной вероятностью Мелемэндзис⁴² сопоставляется им с Мелиасом, стратигом фемы Ликанд. Зато совершенно фантастически выглядит сопоставление апелата Иоаннакиса с Иоанном Каппадокийским, префектом претория при Юстиниане⁴³. Пожалуй, более удачны отдельные попытки Грегуара в области географической идентификации, рассеянные в разных его работах, например замечания о Меллокопии⁴⁴, Тросисе (см. выше), Куфере⁴⁵, Лаккопетре⁴⁶ и т. д.

Ряд интересных наблюдений сделал Грегуар, сопоставляя „Дигениса Акриты“ с памятниками арабской и турецкой эпической литературы⁴⁷. Грегуар справедливо выделяет в составе поэмы существование о подвигах эмира⁴⁸ (*ГФ*, I—III) и делает предположение о существовании у мусульман цикла подвигов эмира Мелитины. В связи с этим он освещает отдельные эпизоды византийско-арабских войн VIII—IX вв. и останавливается на повести о царе Омар ибн ан-Нумане из сказок 1001 ночи, на средневековом арабском романе „Дат эль Химма“ и поэме об Антаре, на турецком эпосе о Сайид-Баттале, в той или иной мере отразивших обстановку этих войн. Грегуар подметил здесь немало любопытных исторических, географических, сюжетных параллелей, на ко-

²⁹ См. BZ, Bd. XLI, 1941, S. 190.

⁴⁰ H. Grégoire. Digénis. Notes complémentaires. II. Philopappos et Kinnamos. Byz., VII, 1932, p. 318—320.

⁴¹ H. Grégoire. L'amazone Maximo. Byz., XI, 1936, p. 637—610; ср. AIPHOS, IV, 1936, p. 723—730.

⁴² H. Grégoire. Mélias le Magistre. Byz., VIII, 1933, p. 79—88.

⁴³ H. Grégoire. L'âge héroïque de Byzance. Mélanges N. Jorga. Paris, 1933, p. 384 sq.

⁴⁴ H. Grégoire. Michel III. . . , p. 338.

⁴⁵ H. Grégoire. L'épopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épopée romane. BCLSMF. 5 ser., t. XVII, 1931, № 12, p. 472.

⁴⁶ H. Grégoire. Notules. Byz., VIII, 1933, p. 572—574.

⁴⁷ Отметим здесь: H. Grégoire. L'épopée byz. et ses rapports. . . , p. 463—493; его же. Echanges épiques greco-arabes (Sharkan-Charzanis). Byz., VII, p. 371—382; его же. Digénis. Notes complémentaires, I. Le Sayyid-Battâl arabe. Ibid., p. 317; его же. Byzantinisches Epos und arabischer Ritterroman. ZDMG, N. F., Bd. 13, 1934, S. 213—232 (совместно с Р. Гоосенсом); его же. Héros épiques méconnus. AIPHOS, II, 1934, p. 451—463; его же. Digénis Akritas et le calife Mu'tasim. AIPHOS, III, 1935, p. 161—165.

⁴⁸ H. Grégoire. L'épopée byzantine et ses rapports. . . , p. 465 sq.

торых мы не будем останавливаться. В качестве общего замечания укажем лишь, что автор чересчур склонен объяснять такие параллели фактом заимствования и явно недооценивает во многом сходных условий, в которых памятники византийского и арабского эпического творчества могли независимо друг от друга приобретать общие черты.

В 1932 г. Грегуар в написанной им вместе с Р. Гоосенсом статье⁴⁹ подвел итоги достижениям в изучении византийского эпоса. Обзор этот (вторая его часть была написана одним Гоосенсом)⁵⁰ следует признать весьма полезным, хотя работы Грегуара почти полностью заслоняют здесь труды других исследователей. Значительный интерес представляют высказывания авторов о первоначальной редакции поэмы. Занимая промежуточную между Крумбахом и Хесселингом точку зрения, они считают, что язык этой редакции носил смешанный характер в зависимости от различных источников памятника (от хронистов до песен). *ГФ*, по их мнению, представляет собой ученую обработку этой редакции, которую она отражает лучше других версий, а *Э* — народную (436 — 437).

Ряд своих работ бельгийский ученый посвятил греческим народным песням⁵¹, в которых он справедливо видит основной источник эпоса. Большой интерес вызвало у Грегуара „Девгениево деяние“. Первую статью, посвященную древнерусской повести⁵², Грегуар опубликовал в связи с изданием П. Паскалем французского перевода повести⁵³. Он считает, что „Девгениево деяние“ отражает более древнюю редакцию „Дигениса Акрита“, чем какая-либо из дошедших до нас версий, и что редакция эта содержала, между прочим, и эпизод с императором (Василием I), известный нам из Тихонравовского списка. Эпизод этот, по убеждению Грегуара, явился выражением павликианских настроений и вместе с сохранившимися в поэме именами Кароса (= Карвеас) и Хрисохерпа (= Хрисохир) свидетельствует о зарождении эпоса в среде павликиан (тезис, уже выдвигавшийся Н. Адонцем). Эпизод единоборства, по его мнению, сохранился благодаря болгарским павликианам в неизвестном нам тексте, который пришел на Русь через Болгарию (337). В самой же Византии поэма была приведена в более лояльный вид, и продуктом такого редактирования X в. явились известные нам греческие версии. Точка зрения Грегуара не получила общей поддержки. Как мы увидим, существует и другая оценка эпизода единоборства Дигениса с императором. Действительно, ярко выраженный фольклорный характер „Девгениева деяния“, отсутствие упомянутой сцены в остальных его редакциях, отдельные места в повести, позволяющие предположить наличие поздних наслоений в ее греческом оригинале (например, смещение каппадокийской границы с границей по Евфрату) и т. д. — все это заставляет крайне осторожно отнестись к этой проблеме, которая за недостатком источников вряд ли может быть окончательно разрешена на сегодняшний день. Соответственно проблематична теория павликианского происхождения эпоса: как греческие версии, так и

⁴⁹ H. Grégoire et R. Goosens. Les recherches récentes sur l'épopée byzantine. „L'Antiquité classique“. I, 1932, p. 419—439.

⁵⁰ Ibid., II, 1933, p. 449—472.

⁵¹ См., например, H. Grégoire. Études sur l'épopée byzantine. REG, 46, 1933, p. 29—69, где он специально останавливается на песнях о сыне Армуриса, о Дуках; его же. Autour de Digénis Akritas... Byz., VII, 1932, p. 287—302; его же. Nouvelles chansons épiques des IX-e et X-e siècles. Byz., XIV, 1939, p. 235—247; его же. L'épopée vivante à Byzance. „La table ronde“, décembre, 1958, № 132, p. 109—114.

⁵² H. Grégoire. Note sur le Digénis slave. Byz., X, 1935, p. 335—337.

⁵³ P. Pascal. Le „Digenis“ slave ou la „geste de Devgenij“. Ibid., p. 301—334.

русская повесть лишены каких-либо специфических павликианских черт и вполне „правоверны“. Это, конечно, не исключает возможности какого-то участия павликиан в византийском эпическом творчестве, но с уверенностью судить о размерах такого участия у нас нет никакой возможности.

Схожие взгляды Грегуар развивает и в своих последующих работах⁵⁴. В 1940 г. он публикует статью⁵⁵, где на основании изложенных выше выводов дает сравнительный анализ всех версий памятника, выделив в них первоначальное ядро и поздние напластования и приводя генеалогическую таблицу версий поэмы (103). В основу он ставит народные песни и арабские предания VIII—IX вв. Около 900 г. из них возникает павликианская поэма, послужившая, с одной стороны, источником „Девгениева деяния“ (XII в.), с другой, источником ряда обработок, устраивающих одни сцены, вводящих другие и несколько изменяющих порядок действия. От одной из таких редакций происходил архетип *ΓΦ* (X—XI вв.), а также экземпляр с ошибками в тексте и утраченным прологом, послуживший оригиналом *Э*. На основе этого оригинала и архетипа *ΓΦ* создается новая редакция, содержащая некоторые добавления; от нее в свою очередь произошли архетипы *Т* и *А* и позже — *О*. При всех сомнениях, которые вызывают отдельные промежуточные звенья, устанавливаемые автором, таблица А. Грегуара представляет в настоящее время, пожалуй, наиболее интересную попытку такого рода.

В 1942 г. Грегуар выпустил в Нью-Йорке на греческом языке (диотике) отдельную книгу, посвященную византийскому эпосу⁵⁶. Труд этот основан на результатах предыдущих исследований автора и не содержит каких-либо существенных новых выводов. Грегуар справедливо трактует здесь Дигениса как национального героя средневековой Греции (гл. I), дает очерк исторической обстановки — в основном IX в. (гл. II), останавливается на народных песнях (гл. III). В последующих главах автор повторяет выдвинутые им в свое время исторические, географические и литературные параллели к поэме, а также свои многочисленные идентификации действующих лиц. Отдельную главу (гл. VI) он посвящает древнерусской повести. Интересна глава XIV — „Непосредственное происхождение эпоса о Дигенисе из народных песен“ (*τραγούδια*). В приложении Грегуар дает антологию — 16 народных песен и отдельные отрывки из поэмы (стр. 201—285). Книга снабжена иллюстрациями, картами, библиографией; воспроизводится также и упомянутая выше генеалогическая таблица (301).

Из послевоенных работ Грегуара упомянем его статью, посвященную проблеме первоначальной версии „Дигениса Акрита“⁵⁷, и являющуюся ответом на одноименную статью К. Дангициса⁵⁸. Грегуар снова останавливается на значении „Девгениева деяния“ и на соотношении версий поэмы, главным образом *ΓΦ* и *Э*, каждая из которых имеет, по его

⁵⁴ Назовем здесь: H. Grégoire. Le Digénis russe. Russian epic studies ed. by R. Jacobson and S. Simmons. Philadelphia, 1949, p. 131—163; его же. Devgenij ou Digenij. Byz., XXII, 1952, p. 148—150.

⁵⁵ H. Grégoire. Notes on the byzantine epic. The greek folksongs and their importance for the classification of the Russian version and the greek manuscripts. Byz., XV, 1940, p. 92—103.

⁵⁶ Ο Διγενής Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴν ποίηση ὑπὸ H. Grégoire. New York, 1942, λτ', 336 p. См. рецензию на нее А. П. Каждана (ИАН СССР, сер. истории и философии, т. V, № 2, 1948, стр. 211—214).

⁵⁷ H. Grégoire. Le problème de la version „originale“ de l'épopée byzantine de Digénis Akritas. REB, VI, 1948, p. 27—35.

⁵⁸ S. Danguitsis. REB, V, 1947, p. 185—205. Дангицис сравнивает здесь версии поэмы, главным образом *ΓΦ* и *Э*, и приходит к выводу о наибольшей древности *Э*, всецело разделяя точку зрения Крумбахаера о языке первоначальной редакции памятника (204).

мнению, свои достоинства с точки зрения близости к оригиналу. Грегуар подчеркивает близость архетипа поэмы к народным песням, однако снова говорит о смешанном характере этого архетипа, продолжая, таким образом, занимать в этом вопросе промежуточную точку зрения между Крумбахером и Хесселингом.

В течение последних тридцати лет работы А. Грегуара сыграли большую роль в оживлении интереса к „Дигенису Акриту“ и стимулировали целый ряд новых исследований. Однако необходимо подчеркнуть, что формальные сопоставления сплошь и рядом подменяют у него строгий научный анализ. Теориям Грегуара нередко недостает убедительной аргументации, а подчас автор и не ищет ее. Это делает необходимым весьма осторожный подход ко многим его гипотезам.

Еще в конце прошлого века несколько сообщений о „Дигенисе Акрите“ сделал Г. Вартенберг⁵⁹. В 1900 г. в исследовании о византийской поэме XV в. „Ахиллеиде“⁶⁰ он отметил в ней ряд сходных с „Дигенисом Акритом“ мест, объясняя это общими источниками у авторов поэм (197). В статье об императорских именах в эпосе о Дигенисе⁶¹ он склонен видеть в императоре Василии Василия II (64). Заслуживает внимания его отклик на публикацию французского перевода „Девгениева Деяния“ и соответствующую статью Грегуара⁶². Полемизируя с Грегуаром, Вартенберг подвергает сомнению возникновение эпоса в павликианских кругах. В композиционном и художественном отношениях он предпочитает „Дигениса Акрита“ древнерусской повести и отмечает отдельные подробности (касающиеся, например, византийско-арабских отношений), которые отсутствуют в „Девгениевом деянии“ и которые должна была содержать первоначальная редакция греческой поэмы. Эти наблюдения Вартенберга во многом справедливы. Однако его заключительный довод в защиту большей древности оригинала греческих версий звучит неубедительно. По его мнению, гораздо вероятней, что „в результате обработки прежде хорошее изложение становится хуже, нежели плохое — лучше“ (324). Признать это научным аргументом никак нельзя.

Нельзя пройти мимо примера фашистского истолкования образа Дигениса. Это — сообщение Г. Шрайнера на IV византиноведческом конгрессе в Софии в 1934 г.⁶³ С помощью многочисленных примеров Шрайнер пытается изобразить Дигениса идеальным приверженцем „семьи, веры, народа и отечества“ (211). К сожалению, семейная жизнь Дигениса, как явствует из поэмы, отнюдь не была безукоризненной, и Шрайнер в угоду своей схеме не жалеет доводов в защиту нравственности нашего героя. Описание измен Дигениса жене он считает поздними вставками, будто бы преднамеренно вводящими непристойности в „нравственно чистый“ оригинал (220), и, вопреки всякой вероятности, объявляет их „плодом начала XVI в.“ (224). Лишенный возможности настаивать на „расовой чистоте“ двоюродного Дигениса, Шрайнер совершенно игнорирует дух терпимости к арабам, пронизывающий поэму, и даже полемизирует с Грегуаром, справедливо сравнивавшим поведение Дигениса

⁵⁹ G. Wartenberg. Das mittelgriechische Heldenlied von Basileios Digenis Akritis. Wiss. Beilage zum „Jahresbericht des Lessing-Gymnasium zu Berlin“ Ostern, 1877; его же. Das mittelgriechische Nationalepos. Beilage zur (Munchener) „Allgemeinen Zeitung“, 6. II 1877, № 30.

⁶⁰ G. Wartenberg. Die byzantinische Achilleis. Festschrift J. Vahlen. Berlin, 1900, S. 175—201.

⁶¹ G. Wartenberg. Die Kaisernamen in Digenisepos. BNJ, XI, 1935, S. 55—64.

⁶² G. Wartenberg. Geht die slavische Digenis auf ein alteres Original zurück als die erhaltenen griechische Epen? Byz., XI, 1936, p. 320—324.

⁶³ H. Schreiner. Die Helden der Mittelgriechischen Volksdichtung als Wehret des Volkstums und Retter des Vaterlandes. ИБАИ, т. IX, София, 1935, стр. 202—224.

с „*courtoisie arabe*“⁶⁴ (224). Зато там, где в работе привлекаются „Ахиллея“, „Каллимах и Хрисорроя“ и другие памятники (212 сл.), герои которых, по-видимому, свободны от неарийской крови, сразу вступают в действие „*Rassenfrage*“, „*Völkische Rasseempfinden*“ и т. п.

Мы уже упоминали о Р. Гоосенсе, с которым А. Грегуар опубликовал некоторые свои работы. Помимо полезных обзоров в „*L'Antiquité Classique*“, Гоосенсу принадлежит серия рецензий на статьи по византийскому эпосу⁶⁵. Гоосенс установил ряд любопытных параллелей в сюжетном построении „Дигениса Акрита“ и повести о царе Омаре ибн ан-Нумане из сказок 1001 ночи⁶⁶. Проблеме греко-арабских связей в эпическом творчестве уделил внимание и крупный французский арабист М. Канар, занимавшийся сравнительным изучением „Дат эль Химмы“, „1001 ночи“, „Сайид-Баттала“ и византийского эпоса. Интересно его сопоставление прадеда Дигениса Амбронса с Амр Убайдаллахом из „Дат эль Химмы“⁶⁷. Одновременно Канар справедливо замечает, что не надо спешить с выводами о заимствованиях, ибо во многом сходный эпический материал мог аналогичным образом развиваться по обе стороны арабо-византийской границы (99—100). Следует отметить также его многочисленные работы, посвященные различным аспектам (военным, политическим, культурным) арабо-византийских отношений и весьма важные для изучения обстановки, в которой создавался византийский эпос⁶⁸.

Значительный интерес представляют работы А. Француз⁶⁹. Изучая рисунки на керамике XII—XIII вв., найденной при раскопках в Афинах и Коринфе, исследовательница с большой вероятностью отождествила некоторые изображения с Дигенисом Акритом. Таков, например, воин с дубинкой и щитом, сражающийся со змеем. Есть рисунки, изображающие, возможно, сцену охоты из поэмы (*Digenis* . . . , 89). Не все отождествления А. Француз представляются одинаково убедительными. Мало вероятно, например, что изображенная на одном из таких рисунков сидящая пара — это Дигенис и дочь Аплорравда (90).

В этой же связи следует отметить статью С. Пелеканидиса⁷⁰, обнаружившего в церкви св. Екатерины в Фессалонике на одной из плиток пола изображение воина, схватившего за пасть льва. По некоторым признакам Пелеканидис сопоставляет этот рисунок с эпизодом из первой охоты юного Дигениса. Несмотря на известную гипотетичность такого рода отождествлений, следует подчеркнуть, что подобные исследования во всяком случае дают нам новое доказательство широкой популярности в XII—XIII вв. отдельных сюжетов, вошедших в поэму о Дигенисе.

⁶⁴ Н. Grégoire. Le sultanat d'Iconium dans l'épopée byzantine. Byz., IX, 1934, p. 365.

⁶⁵ См. R. Goosens. Byz., IX, 1934, p. 407—428.

⁶⁶ R. Goosens. Autour de Digenis Akritas. La „geste“ d'Omar dans les mille et une nuits. Byz., VII, 1932, p. 303—316.

⁶⁷ M. Canard. Un personnage de roman arabo-byzantin. Deuxième Congrès national des sciences historiques. Alger, 14—16. IV. 1930. Alger, 1932, p. 87—103.

⁶⁸ См., например, M. Canard. Delhemma. Épopée arabe des guerres arabo-byzantines. Byz., X, 1935, p. 283—300; его же. Delhemma, Sayyid Battâl et 'Omar al-Nomân. Byz., XII, 1937, p. 183—188; его же. Histoire de la dynastie des Hamdanides de Yazira et de Syrie, t. I. Paris, 1953; его же. Le cérémonial fatimide et le cérémonial byzantin. Essai de comparaison. Byz., XXI, 1951, p. 355—420; его же. Quelques „à côté“ de l'histoire des relations entre Byzance et les arabes. „Studi orientalistici in on. di G. Levi Della Vida“, I. Roma, 1956, p. 98—117.

⁶⁹ A. Frantz. Middle byzantine pottery in Athens. „Hesperia“, vol. VII, № 3, 1938, p. 465; его же. Digenis Akritas A byzantine epic and its illustrators. Byz., XV, 1940—1941, p. 87—91; его же. Akritas and the Dragon. „Hesperia“, vol. X, № 1, 1941, p. 9—13.

⁷⁰ S. Pélékanides. Un bas-relief byzantin de Digenis Akritas. „Cahiers Archéologiques“, VIII, 1956, p. 215—227.

С. Импеллицери предпослал своему прозаическому переводу *ГФ* на итальянский язык⁷¹ обширное введение вместе с приложением — „Византийский эпос и гомеровский эпос“. Импеллицери придерживается теории „*Einzelnlieder*“ К. Лахманна и удачно применяет ее к византийской поэме, источник которой он видит в народных песнях. Автор проводит интересные сопоставления между древним и средневековым греческими эпосами, показывая, как в обоих случаях эпическое творчество сохраняет отзвуки реальных исторических событий, а зачастую и повествует о реально существовавших лицах, окутывая их легендами (107 сл.). Это приложение представляет, пожалуй, наибольший интерес. Само же введение содержит мало нового: автор в основном излагает результаты исследований Грегуара, зачастую без должной осторожности повторяя отдельные шаткие гипотезы бельгийского ученого, например о тождестве Иоаннакиса и Иоанна Каппадокийского (21—22)⁷². После войны Импеллицери опубликовал статью, где на материале песен о смерти Дигениса (изданных в свое время Н. Политисом) исследует проблему эпической традиции в Византии⁷³. Как видно из обзора в „*Byzantinische Zeitschrift*“, первоначальная редакция эпоса содержала, по мнению Импеллицери, как материал народных песен, так и ученые элементы (хроника, роман). Вместе с тем Импеллицери склонен теперь более осторожно подходить к теории К. Лахмана, принимая ее с известными ограничениями (39) и допуская обратное влияние эпоса на народные песни.

Двухтомное издание греческим ученым П. Калонаросом текстов *А*, *ГФ* и *Э*⁷⁴ также содержит введение обзорного характера ($\Gamma, \alpha' - \lambda\eta$). Большой интерес представляют здесь отдельные характеристики каждой из версий поэмы (*ГФ*, *Т*, *А*, *Э*, *А₁*, *О* — $\Gamma, \alpha\delta' - \lambda\alpha'$). Калонарос дает и генеалогическую таблицу версий ($\lambda\sigma\tau'$). В числе источников архетипа поэмы он называет средневековые песни и легенды, византийских историков, позднеантичный роман (Ахилл Татий), Гомера, греческих классиков. Архетип этот дал *ГФ* и родственную ей версию, на которую оказали дополнительное влияние древнегреческие авторы и византийская повествовательная литература. От этой версии произошел, с одной стороны, архетип *Т*, *А*, *А₁*, *О* и версий, известных Дапонтису, с другой — архетип *Э*, послуживший также источником для народных песен. Калонарос склонен подчеркивать параллели между „Дигенисом Акритом“ и позднеантичными и византийскими романами и убежден в учебном характере языка архетипа поэмы. По его мнению, чем старше были редакции, тем учнее был их язык, и, наоборот, чем позже воз-

⁷¹ S. Impellizzeri. Il Digenis Akritas. L'epopea di Bisanzio. Firenze, 1940.

⁷² На этот недостаток указал в своей рецензии на книгу С. Импеллицери Ф. Дэльгер (BZ, Bd. XLII, 1941, S. 18), опубликовавший за последние 30 лет на страницах „*Byzantinische Zeitschrift*“ большое количество заметок информационного характера о новых работах по византийскому эпосу. В упомянутой рецензии Дэльгер выдвигает и несколько собственных соображений. Соглашаясь в целом с выводами Грегуара, он предостерегает от чрезмерного увлечения идентификацией отдельных лиц, мест и событий (10). По его мнению, теория Лахманна вполне применима и к византийскому эпосу (11); что касается вопроса о языке первоначальной редакции поэмы, то Дэльгер предполагает в нем наличие как ученых, так и народных элементов (18).

⁷³ S. Impellizzeri. La morte di Digenis Akritas. „Atti del Museo Pitre“. Palermo—Bologna, I, 1950, p. 1—40 (работа осталась нам недоступной; ср. BZ, Bd. XLV, S. 125). Укажем еще на одну его статью (S. Impellizzeri. Un episodio del „Digenis Akritas“ e un canto popolare serbo. „Annali della R. Scuola Normale superiore di Pisa“, ser. II, vol. XI, 1942, fasc. 4, p. 221—228), где рассказ о любви арабской девушки к византийскому племяннику сравнивается с одной из сербских песен о Марко Краевиче (ср. рецензию на эту работу Ch. Delvoye. „Revue Belge de Philologie et d'Histoire“, 23 année 1944, p. 612).

⁷⁴ П. Καλονάρος. Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, τ. I—II. Ἀθήναι. 1941.

никала обработка, тем больше приближалась она к разговорной речи (λοτ'). Как видим, Калонарос во многом согласен с Хадзисом, не разделяя, однако, его теории авторства Евстафия. „Девгениеву деянию“ он не уделяет места в общем введении и останавливается на нем во II томе, в предисловии (257—261) к греческому переводу Погодинской и Тихонравовской редакций. Здесь он, в частности, возражает против теории Грегуара о павликианской, антиимператорской направленности первоначальной редакции поэмы и сомневается в оригинальности эпизодов, отличающих древнерусскую повесть от известных нам версий греческой поэмы, в том числе и в оригинальности сцены победы Девгения над царем (259—260, ср. 289—290, прим. 3). Ко II тому приложены также тексты 30 песен акритского цикла (205—253). Издание Калонароса полезно также своей библиографией (свыше сотни названий), на которую мы уже ссылались, и хронологической таблицей (I, αα'—νστ'), охватывающей события VII—XI вв., прямо или косвенно связанные с византийским эпосом.

На ученом характере первоначальной редакции „Дигениса Акрита“ настаивает и О. Шиссель, сопоставлявший поэму с „Левкиппой и Клитофонтом“ Ахилла Татия⁷⁵. В статье, посвященной описанию сада в византийской литературе⁷⁶, он анализирует соответствующее место в нашей поэме (ΓΦ, VII, 7—41), показывая его близость к описаниям (ἐκφράσεις) позднеантичных романов (10—21). „Дигенис Акрит“, по его мнению, был создан на литературном языке в первой половине X в. „среднеобразованным“ человеком, знакомым с античной, а также с позднеантичной и восточной повествовательной литературой, и представляет собой нечто промежуточное „между софистическим романом и героическим эпосом“ (10).

Публикация П. Паскалем в 1935 г. французского перевода „Девгениева деяния“ вызвала большой интерес западных ученых к древнерусской повести. Выше мы отметили работы А. Грегуара и Г. Вартенберга, представляющие две противоположные точки зрения на древнерусскую повесть и ее значение для восстановления архетипа греческой поэмы. Дальнейшие исследования по своим выводам в большей или меньшей степени примыкают к какой-либо из этих двух концепций. Так, А. Стендер-Петерсен в основном разделяет воззрения Грегуара и пытается восстановить содержание греческого, прозаического, по его мнению, романа, послужившего оригиналом для русской повести⁷⁷. На оригинальном характере эпизода победы Девгения над императором склонен настаивать и А. Шмаус⁷⁸, считавший, что этот эпизод явился образцом для схожей с ним сцены столкновения Девгения с Филиппом и Максимианой, а не наоборот (505). А. А. Васильев⁷⁹ датирует появление на Руси перевода греческой поэмы не XII—XIII вв., а вто-

⁷⁵ O. Schissel. Digenis Akrites und Achilleus Tatios. „Neophilologus“, 27, 1942, S. 143—145.

⁷⁶ O. Schissel. Der byzantinische Garten, seine Darstellungen im gleichzeitigen Romane. SAWW. Philos., hist. Klasse, Bd. 221, Abh. 2, 1942, S. 1—69. Сравнение описания сада и дворца Дигениса с романом Ахилла Татия проделал позже и А. Ксингипулос, указавший на сходство описанных в поэме построек с персидскими и раннемусульманскими сооружениями такого рода: A. Xungorulos. Το ἀνάκτορον τοῦ Διγένη Ἀκρίτα. Δ. XII, 1948, σελ. 541—588 (статья осталась нам недоступной; ср. F. Dölger, A. Schneider. Byzanz, Bern, 1952, S. 217).

⁷⁷ A. Stender-Petersen. Zum Problem des Digenis-Romans. „Slavische Rundschau“, X, 1938, S. 195—201; его же. О так называемом „Девгениевом деянии“. „Scandoslavica“, I, 1954, p. 87—97.

⁷⁸ A. Schmaus. Philopappos-Maximo-Szene und Kaiser Episode im altrussischen Digenis. BZ, Bd. XLIV, 1951, S. 495—508.

⁷⁹ A. Vasiliev. La date de la version russe du Digénis Acritas. Byz., XXI, 1951, p. 129—132.

рой половиной XI в., если даже не первой (132). В пользу этого, по его мнению, говорит упоминание в русских летописях отчества „Девгениевич“ (под 1095 г.) и „Дигеневиич“ (под 1168 г.). Однако употребление соответствующих имен на Руси в XI в. само по себе еще является недостаточным аргументом для такой датировки русского перевода, а других доказательств А. Васильев не приводит. Английский исследователь В. Энтвистль⁸⁰, указывая на следы древности оригинала „Девгениева деяния“, считает при этом, что повесть является скорее пересказом, нежели переводом (2 сл.). В то же время, по мнению слависта А. Байяна⁸¹, русская повесть восходит к XVI в., а ее греческий оригинал — не столь ученый как *ΓΦ* и *Τ* и более близкий к поздним греческим версиям — к XIV в. (227—228). Сцена же сражения Дигениса с императором, хотя и сохраняет некоторые черты оригинала, является „произвольной переделкой“ греческого рассказа в описание „битвы против злого царя“ (215). А. Мазон⁸² также считает „Девгениево деяние“ более поздней обработкой греческой поэмы и, подчеркивая фольклорный характер русской повести, вообще отрицает правомерность привлечения подобных текстов, сохранившихся в новой записи, при анализе средневековых памятников (187). Как мы увидим, к точке зрения Грегуара весьма скептически относятся С. Кирриакидис и Д. Маврогордато.

Существует большое количество статей, авторы которых уделяют внимание тем или иным частным вопросам, связанным с изучением „Дигениса Акрита“, — историческим и филологическим комментариям к тексту, народным акритским песням, параллелям с фольклором и художественной литературой других народов и т. д. Отметим лишь некоторые из таких работ, появившиеся в послевоенные годы. Таковы статьи С. Карадаса⁸³, М. Петрушевского⁸⁴, Л. Бернхарда⁸⁵, Д. Вуд⁸⁶. Х. и Р. Кахане сопоставляют „Дигениса Акрита“ с „Тесеидой“ Боккаччо⁸⁷, предполагая знакомство итальянского писателя с греческой поэмой (425). И. Пабукис считает, что греческий акритский эпос повлиял на турецкий эпос о Кероглу⁸⁸, подкрепляя это весьма натянутым сопоставлением: Кероглу означает „сын слепца“, а Дигенис тоже „сын слепца“, ибо так в переносном смысле может быть назван его отец, эмир, „лишенный света истинной веры“ (319). По мнению С. Тренкнер⁸⁹, некоторые общие мотивы „Дигениса Акрита“ и рассказа о Шаркане из 1001 ночи восходят к сюжетам, встречающимся уже в пьесах Эврипида и Плавта; исследовательница делает выводы о заимствовании на основании сугубо формального сопоставления, не приводя иных дока-

⁸⁰ W. Entwistle. *Bride snatching and the „Deeds of Digenis“*. „Oxford slavonic papers“, vol. IV, 1953, p. 1—16.

⁸¹ A. Vaillant. *Le Digenis slave*. „Прилози за књижевност језик, историју и фолклор“, кн. 21, 1955, p. 177—228.

⁸² A. Mazon. *Le slove d'Igor*. RES, XXI, 1944, p. 19—23; ср. его же. *Chronique*. RES, XXVI, 1950, p. 187.

⁸³ S. Karatzas. Σύνθετος ύπερθετικὸς στὸ ἔπος τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα. „Παγκάρπεια“. *Mélanges H. Grégoire*, t. I. Bruxelles, 1949, p. 277—298.

⁸⁴ M. D. Petruševski. *Quid significet ΧΑΤΖΙΡΟΦΑΓΟΥΣΑ*. „Živa Antika“, 2, 1952, p. 97.

⁸⁵ L. Bernhard. *Eine heute noch in der islamischen Welt gebräuchliche Form des Tauhid in dem Epos von Digenis Akritas*. „Actes du X Congrès international d'études byzantines“ (Istanbul, 15—21 IX, 1955). Istanbul, 1957, p. 260.

⁸⁶ D. Wood. *The Koukoulithariotai in „Digenis Akritas“*. Byz., XXVIII, 1958, p. 91—93.

⁸⁷ H. and R. Kahane. *Acritas and Arcita: a byzantine source of Boccaccio's Teseida*. „Speculum“, 20, 1945, p. 415—425.

⁸⁸ I. T. Παμπούκης. *Διγενής ὁ Κιόρογλου*, ΕΕΒΣ, XIX, 1949, p. 315—322.

⁸⁹ S. Trenkner. *Les aventures de Šarkan-Charzanis dans le folclore grec antique*. Byz., XX, 1950, p. 259—266; ee же. *The Greek novella in the classical period*. Cambridge, 1958, p. 117—120.

зательств, кроме отдельных примеров самых общих сюжетных совпадений. На использование некоторых сходных образов и сюжетов в „Дигенисе Акрите“ и сербско-хорватских песнях указал А. Лорд⁹⁰.

В последние годы появился ряд работ греческих ученых, касающихся поэмы в связи с теми или иными проблемами греческого эпоса и современного фольклора. К сожалению, работы эти отсутствуют пока в библиотеках СССР. Упомянем статьи А. Карантониса⁹¹, Г. Зораса⁹², К. Мамониса⁹³. Ряд сходных моментов в возникновении и развитии гомеровского и акритского эпосов проследил Г. Курмулес⁹⁴, отдельные исследования касаются византийской поэмы в связи с песнями акритского цикла⁹⁵.

Большой интерес вызвала в последние годы публикация Д. Маврогордато, содержащая текст *ΓΩ* с английским переводом, обширное введение, комментарий и приложения⁹⁶. Здесь мы лишь перечислим основные положения введения, поскольку более подробный их разбор уже был дан нами в рецензии на эту книгу⁹⁷. Английский ученый отрицает павликианский характер первоначальной редакции поэмы (XIV, XXV—XXVI) и соответственно, полемизируя с А. Грегуаром, отрицает оригинальный характер сцены единоборства Девгенция с императором; он подчеркивает фольклорный характер русской повести и приводит в подтверждение своего тезиса ряд аргументов (XLII—XLIV). Выше других версий по древности и полноте он ставит *ΓΩ* (XV) и довольно низко оценивает *Э* (XIX). Маврогордато подвергает убедительной критике *terminus ante quem* (944 г. — „платок Неемана“) А. Грегуара (XXXIV—XXXV) и относит — уже не столь убедительно — время возникновения первоначальной редакции поэмы к 1042—1054 гг. (LXXXIV). Эта редакция, по его мнению, была написана ученым языком и немногим отличалась от *ΓΩ* (LXXIX—LXXX). Косвенно признавая связь эпоса с народными песнями (LXIX), Маврогордато в то же время отказывается привлекать в качестве источника поэмы сравнительно недавно записанные акритские песни (XXVIII), сближаясь в этом отношении с А. Мазоном. Следует отметить, что издание Дж. Маврогордато было подвергнуто серьезной критике К. Дангицисом⁹⁸.

⁹⁰ A. B. Lord. Notes on Digenis Akritas and Serbocroatian epic. „Harvard Slavic Studies“, vol. II. Cambridge, Mass., 1954, p. 375—383.

⁹¹ A. Karantonis. Το έθνικό σύμβολο του Διγενή Άκρίτα από τα άκριτικά έπη ως σήμερα. „Ελληνική Δημιουργία“, VI, 1950, σελ. 29—36.

⁹² G. Zoras. 'Ο Διγενής εν τή νεοελληνική ποιήσει. Ibid., σελ. 839—843.

⁹³ K. Mamonis. 'Ο Όμηρος, ό Διγενής Άκρίτας και ή άλλη δημοτική βυζαντινή ποίηση. Ibid., σελ. 817—819; см. там же: J. Kuthreotis. Του Διγενή και του Χάροντα. Ibid., σελ. 24—25; S. Melas. 'Ο Διγενής Άκρίτας. Ibid., σελ. 805—808.

⁹⁴ G. Kurmules. "Επος και έπική όλη. „Επιστημονική έπετηρίς τής Φιλοσοφικής Σχολής του Πανεπιστημίου Άθηνών“, έт. 1954—1955 (1955), σελ. 212—246 (см. BZ, Bd. XLVIII, 1955, S. 431—435).

⁹⁵ Например, K. Rhomaios. Τα άκριτικά τραγούδια του Πόντου. „Άρχαίον Πόντου“, 17, 1952, σελ. 155—171 (см. BZ, XLVI, 1953, S. 417); его же. Η χρητική παραλλαγή του „Θανάτου του Διγενή“. „Κρητικά γρόνια“, 7, 1953, σελ. 394—408 (см. BZ, Bd. XLVII, 1954, S. 451); его же. Το τραγούδι τής Άντρειωμένης λυγερής. Προσφορά εις Στ. Κυριακίδη. Θεσσαλονίκη, 1953, σελ. 581—595; D. Petropoulos. Άκριτικά τραγούδια στην Πελοπόννησο. „Πελοποννησιακά“, 2, 1957, σελ. 335—368 (см. BZ, Bd. LI, 1958, S. 169—170); G. Zoras. Διγενή και Χάρου πάλη εν τή κυπριακή δημοτική ποιήσει. „Νέα Έστία“, 31, τεύχ. 61, 1957, σελ. 253—257 (см. BZ, Bd. L, 1957, S. 215); Th. Pierides. 'Ο άκριτικός κύκλος τής Κύπρου. „Probleme der neugriechischen Literatur“, III. Berlin, 1960, S. 35—61.

⁹⁶ J. Mavrogordato. Digenes Akritas. Oxford, 1956.

⁹⁷ См. BB, XII, 1957, стр. 340—347; см. также рецензия Р. Хенри („L'antiquité classique“, t. 25, 1956, p. 57) — (582), С. Кириакидиса (BZ, Bd. L, 1957, S. 140—143), Р. Дженкинса („The Journal of Hellenic Studies“, vol. 77, pt. 2, 1957, p. 367—370).

⁹⁸ K. Danguitsets. Παρατηρήσεις σε μία νέα έκδοση ενός άκριτικού κειμένου. „Ελληνικά“, 16, 1958—1959, σελ. 226—230 (BZ, LII, 1959, S. 416).

Большое значение для изучения поэмы имеет книга греческого ученого С. Кириакидиса о „Дигенисе Акрите“⁹⁹, к сожалению, отсутствующая в наших библиотеках. Кириакидис полемизирует с Хесселингом, считая Э самой древней версией памятника. В его книге привлечен и богатый материал из византийской литературы, иллюстрирующий жизнь византийских воинов. Основной источник поэмы он видит в акритских песнях и в приложении (119—150) публикует шесть таких песен. На первые статьи А. Грегуара о „Дигенисе Акрите“ Кириакидис отозвался большой рецензией¹⁰⁰, в которой в основном принимает грегуаровскую датировку возникновения первоначальной редакции поэмы, однако с сомнением относится к отождествлению Дигениса с турмархом Диогеном, подчеркивая употребление эпитета „двоерожденный“ в византийской и персидской литературе. Архетип поэмы подвергся, по его мнению, двум обработкам при Дуках и затем одной обработкой при Комнинах. От первой — при Константине X (1059—1067 гг.) — происходит Э, от второй — при Никифоре III (1078—1081 гг.) — ГФ и от Комнинской (первая половина XII в.) — остальные версии. В статье, посвященной датировке Т и А¹⁰¹, Кириакидис разбирает отдельные историко-географические реминисценции этих версий (Μαγούλιαι, Ἀχαΐα) и приходит к выводу о возникновении их около середины XIII в. (405, 408). Здесь же он высказывает мысль о большей близости Э к архетипу поэмы, в основе которого лежали народные песни (420 сл.). Вместе с тем он полагает, что Э также возникла в XIII в. и примерно к тому же времени относится и ГФ (429). Это, однако, не означает, с его точки зрения, что византийский эпос складывается к XIII в. — речь идет лишь о его оживлении (ἀναζωογόνησις) при Михаиле VIII Палеологе (1261—1282 гг.) (430). Впоследствии в своих „Заметках“ Кириакидис остановился на употреблении слов σουλτάνον и τούρκους в Э (727—728)¹⁰², также свидетельствующем, по его мнению, о XIII в. В своей рецензии на книгу Дж. Маврогордато¹⁰³ он настаивает на связи Э не с фольклором XVII в., а с более ранними акритскими песнями (142). Кириакидис с сомнением относится к предлагаемой Дж. Маврогордато датировке первоначальной версии поэмы серединой XI в., считая, что „Дигенис Акрит“ вовсе не обязательно был составлен в мирное время (143).

Последняя значительная работа Кириакидиса в этой области — его доклад на XI конгрессе византинистов в Мюнхене¹⁰⁴, где греческий ученый пытается подвести итоги тому, что сделано по изучению „Дигениса Акрита“. Он последовательно останавливается на четырех проблемах: текст, хронология, стиль и эстетическая ценность памятника. Сопоставляя тексты ГФ, Э, Т и А, он приходит к выводу, что ГФ и Э (а не одна Э, как он считал раньше) передают наиболее древнюю традицию поэмы (4). Повторяя выводы своих предыдущих работ, он датирует сохранившиеся версии поэмы XIII в., а ГФ и Т, возможно,

⁹⁹ Σ. Κυριακίδης. Ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας. Ἀκριτικά ἔπη. Ἀκριτικά τραγούδια. Ἀκριτικά ζῶη. Ἀθήναι [1926], 154 σελ. (ср. заметку А. Хайзенберга в ВЗ, Bd. XXVII, 1927, S. 425).

¹⁰⁰ Δ. Χ. 1932, σελ. 623—662; отд. издание — Παρατηρήσεις εἰς τὰ ἀκριτικά ἔπη. Θεσσαλονίκη, 1932 (см. отзыв Р. Гоосенса в Вуз., IX, 1934, p. 412; ср. также J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXVII).

¹⁰¹ Σ. Κυριακίδης. Ἀκριτικά μελέται. Miscellanea G. Mercati, vol. III. Vaticano, 1946, p. 399—436.

¹⁰² Σ. Κυριακίδης. Σημειώματα. Α. Οἱ τούρκοι εἰς τὸ ἀκριτικὸν ἔπος. ВЗ, Bd. XLIV, 1951, S. 358.

¹⁰³ ВЗ, Bd. L, 1957, S. 140—143. Более подробная его рецензия на эту книгу („Ελληνικά“, XIV, 1956, σελ. 543—557) осталась нам недоступной.

¹⁰⁴ St. Kyriakidis. Forschungsbericht zum Akritas-Epos („Berichte zum XI Internationalen Byzantinisten-Kongress“. München, 1958). München, 1958, 33 S.

и XIV в. и справедливо предостерегает от смешения двух разных датировок: первоначальной редакции поэмы и какой-либо отдельной ее версии (6). Героический эпос в Византии сложился в IX—XI вв. и передавался письменно, как о том свидетельствуют сохранившиеся рукописи. Вместе с тем пример Э свидетельствует и об устной передаче (9). Кириакидис перечисляет в качестве источников акритского эпоса песни, произведения византийских писателей, арабский эпос об Омаре (13). Говоря о переводах византийского эпоса, он останавливается на „Девгениевом деянии“. Теорию Грегуара об оригинальном характере сцены битвы Дигениса с императором и о павликианском происхождении эпоса Кириакидис считает поспешной (*übereilt*). В этой связи он указывает на параллели между русским текстом и ГФ, подчеркивая близость повести к форме сказки. Сцена единоборства с императором развилась, по его мнению, из аналогичного описания битвы Девгения с Филиппапом и Максимианой¹⁰⁵. Кириакидис предполагает, что поводом к такой сцене могло послужить известное непослушание и недоверчивость Дигениса, проявленные им по отношению к императору в ГФ. Черты эти получили дальнейшее развитие в „Девгениевом деянии“, где герою вообще свойственна бóльшая воинственность (14—15). Вместе с Крумбахером Кириакидис склонен придерживаться теории о народном характере языка первоначальной редакции, однако тут же с некоторой непоследовательностью заявляет о своем согласии с Грегуаром, предполагавшим варьирование в языке этой редакции ученого и народного элементов в зависимости от характера использовавшихся источников¹⁰⁶. Согласен он и с тем, что ГФ и Э — результаты двух соответствующих обработок архетипа поэмы, справедливо отмечая, что ни ГФ не свободно от вулгаризмов, ни Э — от архаизмов (17). Теорию А. Хадзиса об авторстве Евстафия Макремволита он категорически отвергает (19).

Переходя к проблеме хронологии, Кириакидис выделяет три вопроса: 1) датировка эпического материала, 2) датировка первоначальной редакции поэмы и 3) датировка отдельных версий (уже рассмотренная им раньше). Кириакидис возражает против гипотезы Грегуара о турмархе Диогене (19) и датирует эпический материал IX—X вв. — от Михаила III (842—867 гг.) до Никифора II Фоки (963—969 гг.) (19—21). Датировка архетипа поэмы, по его мнению, крайне затруднительна. Автор сходится здесь с Маврогордато в опровержении *terminus ante quem* Грегуара и относит появление этого архетипа ко времени между Никифором II и Мануилом I Комнином (1143—1180 гг.) (25). Ряд замечаний высказывает он по поводу языка, метрики, композиции поэмы. Он справедливо говорит о влиянии на родословную Дигениса идеологии византийской военной аристократии (30). К сожалению, это единственное замечание подобного рода: никакого внимания идеологии памятника Кириакидис, как и большинство его зарубежных коллег, не уделяет. Работа заканчивается рассмотрением эстетической проблемы. Если с точки зрения своего содержания поэма, несомненно, представляет большую ценность, то художественные достоинства изложения, по мнению Кириакидиса, далеко не так очевидны. В этом отношении сам он склонен оценивать выше всего Э, признавая вместе с тем правомерность предпочтения других версий, например ГФ (33). Говоря в заключение о проблеме гомеровского и акритского эпоса, он в целом соглашается с применением к „Дигенису Акриту“ теории К. Лакманна, справедливо отмечая при этом различие условий, в которых складывались древнегреческие и византийские эпические поэмы (33).

¹⁰⁵ Ср. прямо противоположную точку зрения А. Шмауса (выше, стр. 216).

¹⁰⁶ См. выше, стр. 211.

* * *

„Дигенису Акриту“ не повезло в дореволюционной русской и советской византистике. Русские ученые (А. Н. Веселовский, Г. Дестунис) одними из первых откликнулись на открытие византийского эпоса, но следует признать, что греческая поэма чаще всего затрагивалась ими лишь попутно, в связи с рассмотрением какой-либо другой проблемы, чаще всего — в связи с „Девгениевым деянием“. Столь же незаслуженно поэма о Дигенисе, фактически, осталась вне поля зрения советских ученых. Поэтому обзор наиболее существенных работ русских и советских ученых, касающихся византийской поэмы, естественно, весьма краток.

Сжатую характеристику византийского эпоса дал в 1875 г. А. Н. Веселовский¹⁰⁷, писавший свою статью еще до выхода в свет публикации Сафы и Леграна. Веселовскому были известны лишь отрывки Мусин-Пушкинской и Погодинской редакций „Девгениева деяния“, а сведения о Дигенисе Акрите он черпал из упомянутого выше исследования С. Иоаннидиса о Трапезунте. Интересно, что Веселовский отметил ценность поэмы как исторического источника: „Хотя весь рассказ о нем (Дигенисе. — А. С.), как и оставшиеся о нем песни, отличаются романтическим и мифическим содержанием, тем не менее они интересны и как исторический материал“ (753). Веселовский одним из первых обратил внимание на связь византийского эпоса с народными песнями (753 сл., 763 сл.). Заслуживает внимания его положение о влиянии памятников повествовательной литературы на народную поэзию (769). Так, Веселовский связывает с Дигенисом образ Аники-воина в русском фольклоре (ср. эпитет Дигениса ἀνίκητος). Выдающийся ученый и в дальнейшем сохранил интерес к византийской поэме. В 1880—1890-х годах он вел переговоры с И. Мюллером, имевшие целью критическое издание *ΓΩ* русской Академией наук¹⁰⁸, — переговоры, к сожалению, оставшиеся безрезультатными.

Большая заслуга в изучении памятников греческой народной поэзии принадлежит Г. Дестунису¹⁰⁹. В своих „Разысканиях“ он опубликовал комментированные переводы ряда греческих песен акритского цикла, в том числе 13 песен о Дигенисе. Здесь в „Общих соображениях о былинах Дигеновских“ (59—68) Дестунис останавливается и на византийской поэме. Он весьма скептически относится к историческим отождествлениям Сафы и Леграна и высказывает сомнения в том, что Продром, называя в XII в. Мануила Комнина „новым Акритом“, имел в виду какую-либо историческую личность, а не „народный тип героя“ (63). Дестунис выступает и против сопоставления полководца Панфирия с былинным Порфирием, согласно Сафе и Леграну, тождественным будто бы Дигенису, и, не отрицая возможности установления в будущем историчности Дигениса Акрита, отказывается „приписывать ему то родословие, которое ему приписывает поэма“ (63—64). По его мнению, „песни народные, имевшие предметом славу удальцов, существовали раньше поэмы (поэм?); а так как ученый автор поэмы, писавший для читателей своего круга, имевший язык, слог, литературные

¹⁰⁷ А. Веселовский. Отрывки византийского эпоса в русском. „Вестник Европы“, ч. 10, т. II, 1875, стр. 750—775.

¹⁰⁸ „Записки Императорской Академии наук“, т. 64, кн. 1. СПб., 1891. Из протоколов заседаний Академии. Отделение рус. яз. и словесности, сент.—дек. 1890, стр. 112—113.

¹⁰⁹ См. Г. Дестунис. Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи. СПб., 1877; его же. О Ксанфине. Греческая трапезундская былина византийской эпохи. СПб., 1881; его же. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883.

приемы, почти недоступные безграмотному народу, был свободен в выборе между множеством народных песен и в их расположении, так как он, сверх того, обладал и другими материалами, то напрасно и ожидать полного совпадения между песнями дигеновскими и текстом поэмы" (67—68). Из этого отрывка видно, что Дестунису удалось предвосхитить ряд выводов будущих исследователей византийского эпоса.

Несколько замечаний о византийском эпосе сделал Н. С. Тихонравов в докладе на VIII Археологическом съезде в Москве (23.I 1890 г.)¹¹⁰. Доклад этот посвящен обнаруженному ученым новому списку „Девгениева деяния“, названному его именем. Тихонравов дает краткий очерк истории открытия греческой поэмы, следуя в основном Сафе и Лерану. Он предполагает существование на Руси двух независимых переводов „Дигениса Акрита“, восходящих к разным греческим редакциям и послуживших основой, с одной стороны, для Мусин-Пушкинской и Тихонравовской редакций повести, с другой, — для Погодинской (273). Греческий оригинал русской повести, по его мнению, представляет более древнюю редакцию поэмы, нежели *T* (274). О *ГФ* и *Э* Тихонравову еще не было известно.

Интересные параллели между „Дигенисом Акритом“ и сербскими песнями о Марко Кралевиче провел М. Халанский¹¹¹, предположивший существование древнеболгарских переводов отдельных эпизодов греческой поэмы, распространявшихся южнославянскими певцами (451). А. В. Рыстенко сопоставил легенду о святом Георгии и драконе со сценой битвы Дигениса со змеем¹¹², считая, что отдельные детали этой сцены (например сон героя перед битвой) перешли из „Дигениса Акрита“ в песни о Георгии (416).

В 1922 г. вышло в свет исследование М. Сперанского о „Девгениевом деянии“¹¹³. В начале работы содержится очерк истории открытия различных версий „Дигениса Акрита“ (5—12). Из сопоставления отдельных отрывков *T* и Тихонравовской редакции Сперанский заключает, что редакция эта является переводом, а не пересказом греческого оригинала (41, ср. 81), который мог быть как прозаическим, так и стихотворным (43). Оригинал этот, по его мнению, „в начале текста был довольно близок к оригиналу... Тгар. и Andr.; но чем дальше, тем, по-видимому, отклонений от этого прототипа Тгар., Andr. было больше“ (47—48, ср. 56). Оригинал „Девгениева деяния“, по его мнению, древнее прототипов известных нам версий греческой поэмы (96, ср. 130); соответственно более древней он считает и сцену победы Девгения над императором (96—98), предвосхищая, таким образом, теорию А. Грегуара. Мы не останавливаемся здесь на обстоятельном, до сих пор сохраняющем свое значение анализе Сперанским редакций „Девгениева деяния“. Отметим лишь его заключительные выводы. Сперанский считает, что древнерусский перевод был один¹¹⁴ и был сделан прямо на русский язык, без югославянского посредства, не позднее XII—XIII вв. (130). Он замечает, что греческий оригинал повести „не имел деления на книги (*λόγοι*), подобно дошедшим греческим текстам, а распадался

¹¹⁰ Сочинения Н. С. Тихонравова, т. I. М., 1878, стр. 256—274; примечания, стр. 85—86.

¹¹¹ М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского бытового эпоса, II. Варшава, 1874, стр. 450—452.

¹¹² А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса, 1907, стр. 412—417.

¹¹³ М. Сперанский. Девгениево Деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. Сборник ОРЯС, т. 99, № 7, Пгр., 1922, стр. 1—165.

¹¹⁴ Ср. противоположную точку зрения Тихонравова.

на ряд рассказов, представлявших каждый более или менее законченное целое"¹¹⁵, отличаясь от прототипа (или прототипов) известных нам греческих версий порядком изложения и отдельными отсутствующими в них эпизодами (130). Отсутствие необходимых источников неизбежно делает гипотетичными подобные построения, однако при всем этом работу Сперанского, оказавшую значительное влияние не только на исследователей древнерусской литературы, но и на византинистов, следует признать наиболее серьезным в отечественной науке вкладом в изучение „Дигениса Акрита“.

Большой заслугой советских ученых явилось внимание к вопросу о социальной природе византийского эпоса, ознаменовавшее принципиально новый подход к поэме. На „Дигенисе Акрите“ остановился в своей „Истории Византии“ М. В. Левченко¹¹⁶. Он сопоставляет содержание поэмы с данными военного трактата X в., дошедшего под именем Никифора Фоки и повествующего о жизни на восточных границах Византии. Левченко дает краткую характеристику образа Дигениса, видя в нем типичного византийского дината, который „ничем не отличается от реальных исторических малоазийских динатов X века, поднимавших грозные восстания против центрального константинопольского правительства под знаменем Варды Склира и Варды Фоки“ (193).

Значительный интерес представляет статья А. В. Банк¹¹⁷, сопоставившей византийский эпос с армянским. Образ Дигениса, по ее словам, „воплощал черты, характерные для витязя X—XI вв.“ (143). Отмечая моменты сходства между Дигенисом и Давидом Сасунским, А. В. Банк указывает, что такой параллелизм объясняется не непосредственным влиянием, а сходными условиями общественного развития. Это выгодно отличает ее работу от ряда статей зарубежных ученых (например, Н. Адонца), посвященных аналогичным сопоставлениям. Одновременно, по мнению исследовательницы, в отличие от армянского эпоса, византийский, несмотря на обилие в нем сказочных мотивов, „все же значительно больше отражает породившую его феодальную среду, он значительно меньше связан с народом“ (146). А. В. Банк ставит „Дигениса Акрита“ между „Песней о Роланде“ и „Давидом Сасунским“, оговариваясь при этом, что греческая поэма дошла до нас лишь в литературных обработках, феодализировавших народный эпос (147).

Феодальные черты византийского эпоса склонен подчеркивать и А. П. Каждан. В 1948 г. была опубликована его рецензия на „Διγενής Ἀκρίτας“ А. Грегуара¹¹⁸. Рецензент отрицательно отнесся к гипотезе о тождестве Дигениса с турмархом Диогеном, показав недостаточность аргументации бельгийского ученого (211—212). Эпизод битвы Девгения с цагем в Тихонравовской редакции, по мнению А. П. Каждана, не является первоначальным, а „вырос из сцены столкновения Дигениса с Филоппапой“¹¹⁹. Неубедительной представляется ему и теория о павликианском происхождении эпоса (212). В рецензии заслуживает внимания стремление связать „Дигениса Акрита“ с литературным движением в Византии конца IX—X вв.; приведены примеры, свидетельствующие о растущем интересе к образу воина в литературе того времени. По мнению А. П. Каждана, „эпос о Дигенисе возник в среде византийской знати и прославляет ее“ (213); это — „аристократический

¹¹⁵ Ср. точку зрения А. Стендер-Петерсена (выше, стр. 216).

¹¹⁶ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 181—183.

¹¹⁷ А. В. Банк. Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский. „Давид Сасунский“. Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Ереван, 1939, стр. 143—147.

¹¹⁸ ИАН СССР, серия истории и философии, т. V, № 2, 1948, стр. 211—214.

¹¹⁹ Ср. точку зрения С. Кириакиды (выше, стр. 220).

памятник... отражающий основные идеи литературного движения конца IX—X в.“ (214). Рецензия справедливо критикует А. Грегуара за увлечение формальными сопоставлениями, за недостаточное внимание к византийской среде, в которой возник эпос. Положение о феодальном характере византийского эпоса А. П. Каждан повторил и в другой статье¹²⁰. В защиту своего тезиса он приводит такие доводы, как знатное происхождение героя, его богатый дом, расправа Дигениса с одним из своих слуг, учиненное им насилие над полюбившейся ему девушкой, игра на кифаре и пение самого Дигениса, наконец, отрицательное отношение эпоса (в отличие от более поздних народных песен) к апелатам.

Отдельные замечания, касающиеся поэмы, сделал М. Я. Сюзюмов¹²¹, высказавший оригинальную, но, к сожалению, недостаточно аргументированную мысль о создании образа „византийского витязя, охраняющего границы (Дигениса Акрита)... именно в дофеодальной Византии, когда крестьянство этой страны дружно отстаивало независимость своего государства и свою собственную землю“ (65). В этой связи он указывает на стабилизацию границ при популярном в народе императоре Константине V (741—775 гг.) и предполагает, что в результате победы иконопочитания образ последнего „заменен был другими героями военной эпопеи (например Андроник и Константин Дука)“ (65). М. Я. Сюзюмов сомневается в павликианском происхождении эпоса. Вместе с тем, возражая А. П. Каждану, он пишет: „Вряд ли можно назвать эпос о Дигенисе «аристократическим памятником»... Образ витязя, сильного, смелого, притом обязательно богатого, разумеется, был идеалом каждого, воспитываемого в боевом духе, византийского молодого стратиота. Сказания о Дигенисе зародились и распространялись в стратиотских массах, обрабатывались же в литературных кругах приблизительно X века“ (78, прим. 62). С выступлениями М. Я. Сюзюмова и А. П. Каждана в нашей византистике намечались, таким образом, два противоположных взгляда на социальную природу „Дигениса Акрита“.

Вопрос о генезисе византийского эпоса затронула Е. Э. Липшиц¹²². Не говоря о павликианском происхождении „Дигениса Акрита“, она вместе с тем склонна видеть в поэме „в сильно переработанном виде“ следы отдельных песен, воспевавших павликианских вождей — Хрисохира и Карвеаса (61).

В той или иной мере „Дигениса Акрита“ касались и наши специалисты по древнерусской литературе. Замечания их, как правило, общего и чисто информационного характера. Упомянем в этой связи работы А. С. Орлова, М. А. Яковлева, Н. К. Гудзия, Д. С. Лихачева¹²³. Более пристальное внимание уделила византийской поэме В. Д. Кузьмина, опубликовавшая новый (титовский) список „Девгениева

¹²⁰ А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. ВВ, V, 1952, стр. 86—88; ср. его же Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 367—368.

¹²¹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборческого движения в Византии. Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та, вып. 4, 1948, стр. 65, 78 (прим. 62).

¹²² Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX вв. ВВ, V, 1952, стр. 60, 61.

¹²³ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 39—42; его же. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVIII вв. Л., 1934, стр. 45—56; „История русской литературы“, т. I. М.—Л., 1941, стр. 153—158 (раздел написан М. А. Яковлевым); Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 156—159; „История русской литературы в трех томах“, т. I. М.—Л., 1958, стр. 39 (раздел написан Д. С. Лихачевым).

деяния"¹²⁴ и впервые после Сперанского специально занявшись этой повестью. Разделяя основные выводы М. Н. Сперанского, В. Д. Кузьмина считает, что в сцене победы Девгения над царем русская повесть отражает архетип византийской поэмы, и подчеркивает народные черты последней. В готовящейся к печати монографии о „Девгениевом деянии“ В. Д. Кузьмина уделяет внимание некоторым аспектам историографии „Дигениса Акрита“ и останавливается на проблеме генезиса византийского эпоса. Отдельная ее статья посвящена анализу стилистических параллелей (сравнения, метафоры, эпитеты) между „Дигенисом Акритом“ и „Девгениевым деянием“¹²⁵, свидетельствующих, по ее мнению, об известной художественной самостоятельности русского переводчика (77).

* * *

Византийский эпос, изучать который начали в 1870-х годах (последняя из его известных версий была опубликована свыше 30 лет назад), поставил перед исследователями ряд весьма сложных проблем. В настоящее время благодаря трудам Н. Политиса, Д. Хесселинга, А. Грегуара, С. Кириакидиса и других ученых мы можем с большей ясностью судить о ряде исторических и географических реминисценций, рассеянных в тексте поэмы, о соотношении текста отдельных ее версий, о связи „Дигениса Акрита“ с позднеантичной и византийской литературой, с греческим фольклором, с литературами других народов. Тем не менее лишь сравнительно немногие проблемы, встающие при изучении памятника (например, датировка рукописей, характеристика особенностей языка и стиля отдельных версий) не вызывают серьезных споров. Большинство же важных проблем „Дигениса Акрита“ в той или иной мере являются предметом полемики. Естественно, что вызывает разногласия хронология неизвестной нам первоначальной редакции памятника — от 930-х годов (А. Грегуар) до XII в. (А. Хадзис); поразному оценивают исследователи отдельные версии поэмы: одни предпочитают Э (например, К. Крумбахер), другие — ГФ (А. Хайзенберг), третьи — А (П. Калонарос). Противоположные точки зрения существуют и на ценность „Девгениева деяния“ для восстановления архетипа поэмы (с одной стороны — А. Грегуар, А. Стендер-Петерсен, А. Шмаус, с другой — Г. Варгенберг, С. Кириакидис, Дж. Маврогордато). Все исследователи примерно одинаково определяют круг источников поэмы и прямо или косвенно признают роль народных песен в создании византийского эпоса. Но в то время как одни (Н. Политис, А. Грегуар) сопоставляют текст поэмы с известными нам песнями акритского цикла, записанными уже в новое время, другие (Дж. Маврогордато, А. Мазон) считают такое сопоставление неправомерным. Относительно языка первоначальной редакции поэмы также существуют разногласия. Уже давно К. Крумбахер высказался за народный характер этого языка, а Д. Хесселинг — за ученый, и каждое из этих мнений имеет своих последователей. В то же время ряд ученых начинает склоняться к промежуточной, более осторожной точке зрения, предполагающей в языке архетипа поэмы как народные, так и ученые черты — в зависимости от источников, которыми пользовался автор (А. Грегуар, С. Импеллицери, С. Кириакидис). Нет единогласия и в истолковании отдельных исторических свидетельств поэмы

¹²⁴ В. Д. Кузьмина. Новый список „Девгениева деяния“. ТОДРА, IX, 1953, стр. 339—360.

¹²⁵ Ее же. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков „Девгениева деяния“. ТОДРА, XV, 1958, стр. 73—77.

(например о платке Неемана, о дани Иконию). Интересные параллели, установленные с памятниками арабской, турецкой, армянской и других литератур, к сожалению, зачастую получают неправильное объяснение: такие ученые, как А. Грегуар, Н. Адонц, С. Тренкнер и др., склонны без достаточных оснований говорить о заимствованиях. Как уже было сказано, пример социального анализа подобных совпадений для византийского и армянского эпоса был дан советской исследовательницей А. В. Банк.

Большинство упомянутых разногласий, как мы уже говорили, является естественным результатом состояния источников: нам неизвестен архетип поэмы или хотя бы какие-либо промежуточные звенья между этим архетипом и известными версиями; рукописи этих версий сравнительно поздние (не раньше XIV в.). Еще в большей мере это относится к „Девгениеву деянию“ и к песням акритского цикла. В свете этого неудивительно, что, несмотря на большую работу по сравнительному анализу текстов различных версий поэмы (А. Грегуар, С. Кириакидис и др.), критическое издание сводного текста памятника до сих пор не осуществлено. Остается пожалеть, что такой специалист, как С. Кириакидис, предполагавший выпустить подобное издание, отказался от своего намерения.

Зарубежные исследователи, как правило, склонны рассматривать византийскую поэму в отрыве от ее социальной и литературной среды, уделяя внимание преимущественно поискам параллелей к „Дигенису Акриту“ в военно-политической обстановке того времени и увлекаясь формальными сюжетными сопоставлениями текста поэмы с произведениями самых различных эпох и стран. Почти полностью игнорируют они и вопрос об идеологии византийского эпоса, о народных и феодальных его чертах. Все эти недостатки вызвали справедливые критические замечания наших ученых, по-новому подошедших к интереснейшему памятнику византийской литературы и обративших внимание на оставшиеся до этого в стороне аспекты изучения „Дигениса Акрита“. К сожалению, эти аспекты до сих пор затрагивались у нас лишь бегло, в попутных замечаниях. Таким образом, если ряд вопросов, связанных с византийским эпосом, не может быть еще окончательно разрешен, несмотря на основательное изучение, то отдельные немаловажные проблемы до сих пор так еще и не стали предметом специального исследования.

А. Я. Сыркин

А. П. КАЖДАН и Г. Г. ЛИТАВРИН. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Москва, 1958, 323 стр.

Книга А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина „Очерки истории Византии и южных славян“ (ответственный редактор Э. В. Удальцова) предназначена, как это следует из краткой аннотации, предпосланной книге, прежде всего для нужд обучения в средней школе. Перед авторами стояла задача дать научно-популярное изложение истории Византийской империи и ее балканских соседей, которое должно пополнить знания преподавателей и помочь им более полно и глубоко объяснять учебный материал. Ограниченные рамками школьной программы, авторы не дали систематического и всестороннего изложения всех фактов, связанных с историей Византии и южных славян, сосредоточив внимание